

Часть первая ШКОЛА СОТНИКА

Глава 1

НЕМНОГО ИЗ ИСТОРИИ

Обережная сотня Андрея Сотника «зачищает» от разбойных ватаг большую часть земли Великого Новгорода. Основные торговые пути северной Руси «из варяг в греки» совсем скоро будут свободны.

В усадьбе Андреевского поместья начинает работать ратная воинская школа, где детей-сирот учат воинскому искусству и множеству наук сам Сотник и его сподвижники по бывшей ратной службе.

В поместье построены новые ремесленные мастерские, выпускающие прекрасные и востребованные изделия и лучшие образцы оружия.

Сельское хозяйство строится на новый лад, выращивая новые для этого времени овощи и зерновые культуры, готовясь насытить закрома земляков своей продукцией.

А с юго-запада Великому Новгороду начинают угрожать нашествием усилившиеся и объединяющиеся в единую державу литвины. На Балтике всё нарастает противостояние между

владычицей Восточного моря Данией и союзником Великого Новгорода Ганзейским союзом.

Для всех этих угроз сил «Обережной сотни» явно не хватает, и нужно создавать новую «Дозорную сотню», которая будет нести порубежную службу, вести разведку на дальних и ближних подступах к новгородской земле, а также сможет сломать и спутать планы многочисленных, коварных и жестоких врагов Руси.

Сотнику нужны верные сподвижники и собственное, большое, хорошо обученное войско, чтобы преодолеть все трудности и опасности этого лихого и кровавого века!

Глава 2 ДОМОЙ

По рыхлому и ноздреватому мартовскому снегу, поверх льда Валдайской речки Полометь, шёл в сторону устья Ямницы большой обоз. Двадцать саней в нём неспешно катили в сопровождении двенадцати верховых всадников. Седоусые дядьки с копьями в руках и с мощными сложно-составными луками за плечами выглядели грозно и устрашающе, притягивая к себе внимание многочисленных встречных торговых караванов, спешащих до закрытия ледового пути проскочить домой. Ещё больше внимания притягивали к себе те, кто сидел или лежал в проезжающих санях обоза. Были в них и суровые ветераны, и безусые юнцы, и даже две пригожие девицы держали в руках поводья. Объединяло же их одно. Серьёзные и цепкие взгляды повидавших большую кровь воинов, справное оружие и наличие ран, перевязей

да многочисленных следов крови и пробоин/порезов на одежде.

— Обережные! Обережные идут! Ты смотри-ка, сама Андреевская Обережная сотня возвращается, вон все-то в крови как! — шептали купцы, их возникшие и караванная охрана, споро уступая дорогу и снимая шапки перед этим грозным воинским санным поездом. Слава о деяниях этой Сотни за каких-то полгода стала легендой и разлетелась уже далеко за пределы самой северной Руси — Новгородчины, где и была создана только недавно.

Шёл 1225 год от Рождества Христова¹. Средневековая Русь раздроблена на отдельные княжества и ослаблена смутой и княжскими междоусобицами, а в её лесах полно разбойничьих ватаг, терроризирующих население. И не было закона и порядка в её землях!

На внешних рубежах тоже было всё неспокойно. С враждебного запада шёл натиск рыцарей ордена Меченосцев и Тевтонского. С севера, на союзников и данников Новгорода — племя карела — совершали набеги финские племена сумь и емь, поддерживаемые и науськиваемые свеями (шведами). С юго-западного направления рвались грабить и разорять Русские земли объединяющиеся и всё более усиливающиеся литвины. И уже совсем скоро на северную Русь из-за аномальных погодных условий, морозов и затяжных дождей летом придёт жуткий голод, который выкосит половину её жителей. Когда жуткие случаи каннибализма были совсем не редки, не говоря

¹ Все даты и само летоисчисление даны в новом времени.

уже вовсе о том, что жизнь человека в это лихое время совсем не стоила ничего.

А ещё где-то далеко на юге, в степях копила силы и расширялась, покоряя и поглощая соседние страны и народы, могучая монгольская держава, созданная великим правителем Средневековья, железным Чингисханом (Тэмуджином).

Пройдёт чуть больше десяти лет, и обрушатся её непобедимые тумены на русские земли, сметая города, княжества и все те рати, что только сможет выставить против них разрозненная Русь. Обезлюдеют её земли, и падёт на них степным волосьяным арканом удушающее, тяжкое монгольское иго, что ещё целых двести лет будет потом сковывать любое её развитие.

Всё это было доподлинно известно командиру Дозорной Сотни Великого Новгорода Андрею Ивановичу, сыну торопецкого десятника Хвата, в чьей личности органично слилось сознание далёкого потомка, отставного офицера из XXI века и его предка, бывшего Сотника элитной Княжьей Дозорной Сотни. И этим личностям было настолько комфортно и естественно в едином теле и сознании, что никакого разлада вообще при этом не ощущалось. Обе они прекрасно и органично дополняли и обогащали друг друга всеми теми знаниями, навыками да умениями, что были когда-то у отдельного человека из Средневековья и из нового времени.

Самой же целью Андрея стало сделать всё, чтобы облегчить и укрепить свою землю от всех тех бед и напастей, каких только было возможно и в его силах. И с созданием своей первой вот этой боевой рати в виде Обережной сотни стал

он к этой заветной цели хотя бы ещё на один шаг, но ближе.

Прошло всего три месяца как Господний (Высший совет) Великого Новгорода выдал грамоту с разрешением на её создание. Определив основной задачей борьбу с заплонившими всю северную землю ватагами разбойников.

И вот очищены торговые пути в ближайшей округе, а сами разбойники преданы смерти. Но знал и понимал Андрей, что это только начало на его долгом пути, и сколько ещё таких банд орудует в землях всей огромной Руси!

Вторым самым важным решением Господнего Совета было разрешение укреплять жалованное ему Андреевское поместье с её усадьбой и обустроить в ней воинскую школу отроков, оставшихся сиротами, и детей из семей дружинных ветеранов, что сами захотят их ему доверить.

— Подтянись!

Понеслась команда по длинному каравану, и кони начали набирать ход, следуя пожеланиям своих возничих.

Скорее домой, в родное Андреевское, где можно будет снять с себя всю кованую броню и кольчуги, разложить по оружейным хранилищам луки, самострелы, копыя, мечи и многое из того, что лежало сейчас наготове рядом с их хозяевами.

А больше всего хотелось поскорее войти в жаркую парную да стряхнуть, смести, сбить с себя весь этот многодневный пот добрым берёзовым или дубовым веником. Махнуть ещё один ковшик травяного настоя на горячие голыши и зажмуриться от удовольствия, чувствуя, как

горячо, покалывая, струится по твоим жилам алая кровь.

— Хорошо-о! Живой я-я-я!..

И с рёвом и хохотом с такими же разгорячёнными в бане товарищами броситься в снежный сугроб, заорать, зарычать, чувствуя блаженство от этой яростной силы, борьбы и столкновения двух великих стихий: жары и лютого холода!

А потом снова бегом в парную, хлебнув по пути из резного липового ковшика хмельного ржаного кваса!

— Поддай парку, Филат! Аррр! Ещё, не жалей!

Всё это будет, а сейчас воинский караван входил в устье речки Ямницы, что впадала по правую руку в полноводную Полометь, и оставалось совсем уже недалеко до дома.

— Передний дозор, вперёд к усадьбе! Пусть готовятся к встрече там! И передайте, что у нас трое серьёзно раненных, нужна будет срочная обработка и уход.

— Пошли! — скомандовал резко Сотник.

И вверх по реке устремились три всадника во главе с другом, берендеем Азатом.

Сотня подходила к дому.

Вот впереди уже показался поворот, а за ним высокий обрыв. И сани вкатились на огромную ровную поляну усадьбы, что располагалась между двумя лесными речками Дубницей да Ямницей. На ней виднелся ряд строений, юрт и большая изба, что с лёгкой руки самого Андрея все быстро начали называть её ранее тут неизвестным словом штаб. Коротко и солидно, особенно для посвящённых.

Перед избой уже высыпало всё оставшееся в усадьбе население. Временный комендант и «мастер-самострельщик» дед Кузьма, а также освобождённый от похода по причине ранения гончар Осип, лекарша Агафья, главная повариха усадьбы Миронья. Стояли группкой малолетние внуки Кузьмы Лада с Ваняткой и ещё несколько мужиков да баб с детьми, что были совсем только недавно отбиты сотней у злодеев-разбойников и проходили теперь лечение да восстанавливались в поместье.

У всех встречающих были счастливые и встреченные лица. Ещё бы! Вернулись с боевого похода их ставшие такими близкими и дорогими друзья и товарищи. Оттуда, где летает оперённая смерть и свистят острые клинки, рассекая тела. И вернулись они с победой, а самое-то главное, живыми!

— Сотня, становись!

И затопали твёрдыми кожаными подошвами подбитые сапоги да онучи по двору, замер ровный строй в едином дыхании, «поедая глазами» командира. Только трое раненых лежали на санных, приподнявшись, да смотрели во все глаза со стороны с такими же серьёзными и торжественными лицами, как и их стоящие сейчас в строю боевые товарищи.

Сотник развернулся и окинул взором свою рать. На правом фланге стояли два десятка ветеранов под командой седоусых друзей — десятников Климента и Филата.

За ними звено пластунов, лесовиков-разведчиков с потемневшими от постоянного пребывания в снегах, на ветру и на лютой стуже лицами, под командованием этого вечного «скрипуна»

и ворчуна — следопыта Варуна. За ними возмужавший в походах двенадцатилетний сын Сотника Митяй со своим сверстником берендеичем Мараткой, ладейный старшина Ивор, да бравые боевые девки, шестнадцатилетние двойняшки Катеринка и Лизавета. Не хватало ещё тут в строю тех, кто получил ранения в схватке с ватагой Чудина — крепыша Вторака, что лежал сейчас на сене саней с пробитым бедром, да двух ратников-ветеранов Петра и Семена, которые получили их, отбивая натиск разбойников Мечника в том их последнем и отчаянном предсмертном натиске.

— Сотня, равняйся! Смирно! Благодарю вас за вашу доблесть и отвагу, проявленную в бою с превосходящим нас силами врагом!

Сотня замерла и, набрав в грудь воздух, проревела трижды слаженно:

— Ура! Ура! Ура!

— Шестьдесят три злодея больше не поднимут свой топор на добрых людей. Не сожгут их дома и не утащат в свой стан их жён да детей на погибель, и не отнимут имущество у купцов вместе с их жизнями!

Перед этим вы разгромили ещё две ватаги и уничтожили их злодеев-приспешников, очистив от всей этой нечисти всю окружающую нас местность — нашу Деревскую пятину Батюшки Великого Новгорода! Честь вам и почёт, доблестные воины!

А сейчас, братцы, для всех вас долгий отдых и крепкое лечение от ран для наших раненых. Все большие дела и ратное учение продолжим уже после того, когда все вы отдохнете как следует и восстановитесь.

— Сотня, разойдись!

И строй рассыпался по двору.

— Ну что, Агафья, не страшные раны? — спросил Андрей после осмотра последнего пораненного, пожилого уже дядьки Лавра, что и так-то пошёл на осмотр только что из-за самого грозного приказа Сотника.

— Командир! Да стрела, и то только чуть чиркнула по плечу, даже кольчугу же как следует не пробила! Так ведь только кончиком жала кровь мне пустила и синяк на самом плече набила. Ну что, из-за каждого пореза, ой ли, теперь к лекарше ходить?! Я ужю понимаю, вон, те трое с ранами, им и внимание, и пригляд положен, а я-то что?

Андрей посмотрел на него спокойно и спросил:

— Вот ты, Лавр Буриславович, ходил ли в большой поход южнорусских князей на половцев, в том, тысяча двести третьем, году с Романом Галицким, припомни?

— Ну а то как же, конечно, Андрей Иванович, мы же с тобой как раз тогда десятниками были, ещё и спорили порой, чей же десяток у нас доблестней другого будет.

— Было такое, — усмехнулся Андрей. — А помнишь ли Родислава из десятка Матвея Рыжего?

— Да как же его не помнить? — кивнул согласно Лавр. — Первый весельчак и заводила как-никак в сотне-то был, где пошутить над кем али поддеть кого надо, всегда он тут как тут рядышком оказывался.

— Ну вот, а конец ты его помнишь ли, Лавруш? — пытливо глядя в глаза своему старому боевому товарищу, вдруг тихо спросил Сотник.

— Так он ранен был «копчёными» в походе, командир, у одной сухой балки, как помню, дело было, да потом вот и помер сердешный в пути обратно.

— Вот-вот, Буриславович, всё-то ты верно говоришь, помер он. Ранен был стрелой половецкой в бедро Родька, от того много крови потерял да ослаб сильно. Хотя ранение, если подумать, не таким уж и серьёзным было. Кость с жилами у него не задело, даже ходить мог и на коне скакал о первых двух дён. Стрела-то половецкая не осталась у него в ноге, а так, лишь срезала кус мяса и в коня уже дальше зашла. Да только грязи у него много в рану набилось, мы же считай месяц уже тогда в походе были, все пропотели и запылились там вконец. Вот и мучился всю седмицу Родька, весь огнём горел, знобило его, и ногу как бревно разнесло потом от пропавшей, чёрной, гнилой крови. Так и помер у нас на руках боец, — вздохнув, вспоминал Андрей. — Там же и прикопали его на седом кургане рядом с могилой древних степных воинов. Я тогда ещё в прикрытии нашего обоза с ранеными стоял и всё это сам своими глазами видел.

Половцы у нас на спине плотно висели, думали, уже и не выберемся вовсе. Да ладно сам Мстислав Удатный подоспел, повезло, выручил нас пресветлый князь. И скажу я тебе, Лавр Буриславович, что не только одного Родьку мы тогда от огневицы потеряли. Вот так же, с пару десятков бойцов точно от неё сгорело да в чужую степную землю легло, — вздохнул он, опять замолчав.

— Да-а, — протянул Лавр. — Дела-а, одна-ако...

— Ну вот, а ты говоришь, цара-апина, ме-елочи. Лечись, друг! Куда я без тебя, старого битого волка?

Встал и вышел из лекарского закутка избы на свежий воздух улицы.

На дворе было шумно и весело. Как-никак вместе собралось целых два больших десятка бойцов и столько же гражданских толклось тут вместе с ними. Слышались крики, смех, топот копыт выводимых лошадей, чтобы те не застоялись. Всё слилось в одном шумном и весёлом гомоне.

Вот два седоусых дядьки ветерана вцепились друг другу в плечи и ходят кругом, норовя сорвать захват противника и навязать ему свой ход поединка. Неожиданно один из них сделал два шага вправо, увлекая по кругу соперника, и когда тот, чуть-чуть потеряв равновесие, качнулся, сразу же резким ударом подсёк правую ногу под голень да резким толчком повалил его на бок, условно добивая уже на земле ножом.

— Понял, Митяй, как нога должна подбой-подсечку делать? — спросил снизу проигравший того светловолосого парнишку с розовым шрамом на лбу, что стоял молча рядом со своим приятелем берендейкой и внимательно наблюдал за схваткой.

— Ага, понял я, дядь Степан, — кивнул мальчишка утвердительно, — только и Маратка, вон, какой вёрткий, что не больно-то его ногой подсечёшь. Как вёрткий уж меж кувшинок крутится, тут и не подцепишься к нему.

— А вот это очень даже хорошо, Митрий, значит, на полном серьёзе вы с ним бороться будете. Знай, что чем сильнее противник, тем крепче навык у вас у обоих тогда разовьётся, — с серьёзным видом растолковывал прописные истины